

Плоть и металл

«Кинетические скульптуры» Леонида Берлина.

Фотография начала 20-х годов – Ленин с группой иностранных коммунистов; среди них иранский журналист Султан-заде, приехавший в советскую Россию вершить мировую революцию.

Только эта фотография и осталась Леониду Берлину от расстрелянного отца – да еще внешне восточного шейха. Фамилию ему дал отчим, а вместе с ней все те унижения, какие выпадали на долю евреев в нашей интернациональной стране.

Когда экспонируются «Кинетические скульптуры» Берлина (а только в прошлом году они не раз выставлялись в ЦДХ на Крымском валу), вокруг них неизменно толпится заинтересованный необычным зрелищем народ: сваренные из старого железа конструкции движутся, звучат, вздрагивают и светятся, вспыхивают и гаснут, мучительно вскрикивают и замирают в тяжком оцепенении.

В жесткие металлические клетки заключены человеческие тела, до натураль-

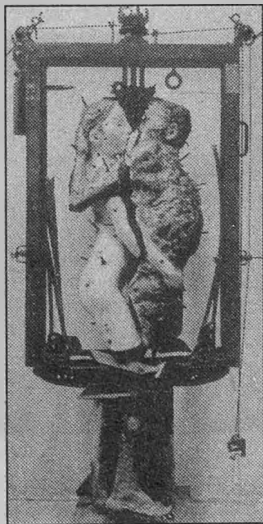
лизма реальные, – Берлин не боится упреков в самом обнаженном физиологизме. Влюбленные соединились в страстном объятии, и нет им дела до грубой ржавой рамы, в которую заключены они, как в тюремный мешок, и вдруг с грохотом падает сверху тяжкий клин, расторгая их поцелуй.

«Художник»... Обнаженный, вполне натуральное тело растянуто цепями на металлической арке, оплетено колочей проволокой; вздернутые руки зажаты в тиски и все-таки прорывают металл, устремляются к небу; безжизненная мертвая конструкция дышит, трепещет вместе с телом мастера. А на полу перед распятием на дыбе художником сидит и тупо смотрит старуха в своем однажды и навсегда разбитом корыте.

«Ангел» – смешная и трогательная фигурка, составленная из рваной трубы и обрезков железа. На тарелке, подвешенной у груди, зубы, как на полке, и, если их снять, ангел-нищий грустно качнет головой. Испуганное скорбное лицо, плоские ступни-лыжки, беспомощно раскинутые droжащие ладони.

Берлин творит свой мир из тех «отходов производства», что оставляют после себя люди. Оживают мертвые свалки железа; ржавые отбросы человеческой техники выходят из земли, как неразорвавшиеся снаряды. Люди беззащитно обнажены перед изуродованным металлом, который сам принимает человеческие формы, страдает, стонет – робот не робот, человек не человек – ангел XX века.

А рядом как-то особенно просто, спокойно, добро смотрится керамический бюст художницы Веры Зайцевой, покойной жены Леонида, – классически ясный, до боли живой. К нему не имеет никакого отношения беспощадный техницизм XX века. Он не от людей. Он от Бога.

Влюбленные

Мария ЧЕГОДАЕВА